

ВРЕМЯ И МЕСТО

«Надеяться всегда»

Отрывки из дневника Георгия Эфрона

Сын Марины Цветаевой, Георгий Эфрон (1925-1944), начал вести дневник 14-летним мальчиком - сразу после приезда с матерью в СССР в июне 1939 г. Его болшевицкий «Дневник № 1» был взят при обыске вместе с бумагами его сестры, Ариадны Эфрон, при ее аресте 27 августа 1939 г. «Дневник № 2» начинается 4 марта 1940 г. в подмосковном Голицыне, последний из сохранившихся дневников - № 17 - датируется концом августа 1943 г., кануном отъезда Георгия Эфрона из ташкентской эвакуации в Москву. От нескольких месяцев его жизни в Москве до мобилизации в марте 1944 г. никаких дневниковых записей не сохранилось. Он погиб 7 июля 1944 г. в своем первом бою вместе с сотнями рядовых солдат, обеспечивавших наступление Красной армии на I Белорусском фронте. Дневники готовятся к выпуску в издательстве «Вагриус». Мы публикуем некоторые из дневниковых записей, сохраняя авторскую пунктуацию и орфографию.

Георгий Эфрон. Чистополь, сентябрь 1941 г.

4/III-40
Сегодня седьмой день как я лежу. Грипп оказался воспалением легкого, и теперь наверное придется лежать долго. Пока что нет никаких перспектив, кроме одной, всё той же: освобождения папы и Али. Очень хотелось бы летом поехать на море, в Коктебель. Доктор сказал, что общее мое состояние ослаблено. Я думаю, что на море бы я возродился, стал бы сильнее... Но все это пока мечты, самые глупые и зачаточные. Вообще, конечно, все это какая-то каша. Приехал в Союз, поступил в школу с месяцем опоздания из-за провала на экзаменах художественной школы, проучился месяц и две шестидневки. За это время арестовали всю семью Львовых (соседи по даче в Болшеве. - НГ), папу и Али. Я и мама съехали с опустевшей дачи, и прежде чем переехать в Голицыно, сюда, прохлопотали два с половиной месяца. <...> Наверное завтра придет Муля (Самуил Гуревич, близкий друг Ариадны Эфрон. - НГ) - я этому очень рад, потому что его посещение внесет изменение в скучной монотонности моего существования. Я все время лежу в кровати, читаю, рисую, ем и сплю. Врач запретил учение, иначе я бы учился как выдержу весенние испытания? Меня по всей вероятности ожидает приятная перспектива: второгодничать следующий учебный год в седьмом классе. Я большого роста, и так сейчас больше всего класса, а что будет следующий год? Я стараюсь об этом не думать. А чорт со всем! Я в школе хорошо учился, а все остальное - не моя вина, хотя это и слабое утешение. Конечно, главное, самое наиправнейшее - это дело папы и Али, над которым я

ломаю себе голову. <...> Мать говорит, что на лето мы ничего не будем решать, так как наша судьба зависит от судьбы папы и Али. <...> У меня очень много поводов для возмущения и недовольства своей жизнью, но что? Все равно, охи и ахи не помогут ничему и никому. Нужно ждать. Ждать окончания болезни, окончания дела отца и сестры, и не нужно терять терпения. В этом и есть главное.

6/III-40
Сегодня был Муля. В общем ничего нового, и всё на позициях. Он упорно надеется достать нам с матерью комнату в Москве. Возможная (50%), что достанет. Это будет здорово - близость со всеми, возможность развлечений, театров, лекций, кино, возможность видаться (для меня) с будущими и настоящими «друзьями» и возможность для матери быстро решать свои дела. И я себя в большом городе всегда чувствую, как рыба в воде. Впрочем, зажаться не нужно - очень возможно (50%),

что все эти проекты полетят к черту. <...> «Дома» - все то же: лежу, читаю (прочел Обломова), рисую (пачку новопеченных рисунков отправил с Мулей на просмотр художнику Мифасову), ем, пью и довольно мало думаю, читаю газеты, слушаю «отчеты» матери о разговорах в доме отдыха, куда она ходит есть. <...> Конечно, все дело в том, как кончится дело папы и Али, и пока оно не кончится, все будет идти как-то криво. Я полагаю, что отца и сестру выпустят (отец и сестра - честные люди). <...> Остается одно - ждать. Лежать сейчас, «работать» (учиться), когда выздоровлю, и надеяться всегда.

8/III-40
Сегодня - новость. Найдена Муля в Москве комната. 11 метров. В Сокольниках. Впрочем, это кажется не Москва, но туда доходит метро. Не знаю, сколько это - 11 метров, но мне кажется, что это должна быть очень маленькая комната. Впрочем, наплевать, и то хорошо, что нашли. <...> Конечно, будет противно, очень противно, если она окажется очень маленькой, но что же делать, если лучше нельзя найти. К тому же очень приятно иметь постоянное пристанище - «центр», и еще быть в центре по метро в четверть часа! И, кроме того, Москва - это большие преимущества во всех отношениях! Мать сможет решать все свои дела в два счета, раз есть метро и трамвай, я смогу делать визиты знакомым, ходить на лекции, в кино и театр. Не то что здесь: едешь час, в ночном поезде, ни к кому в Москве не успеешь зайти, потому что торопишься не опоздать на обратный поезд в Голицыно, чтобы не пропустить обеда в доме отдыха. <...> Дескать мать поедет в Москву по издательствам решать свои переводные дела.<...>

11/III-40
Узнал от матери кое-что о комнате. Мать там была и говорит: «Комната очень маленькая, 2-й этаж, центр, отопление, без ванны, до метро 3 трамвайных остановки - до центра 25 минут. Очень непривлекательные дома - впечатление унылое». Так. Но Муля эту комнату берет. Мать не знает, как мы сможем устроить

все наши вещи в такой маленькой комнате. Но мне все равно. Раз Муля говорит, что и это почти невозможно достать, и что это дешево и т.п., то что ж - остается только мириться с судьбой (в форме очень маленькой комнаты). Даже если будет там плохо - наплевать. Что меня очень беспокоит - это как будет себя там чувствовать мать (на кухне, соседи и т.п.), потому что мне всюду хорошо (или средне). Но в общем - рано беспокоиться - переедем мы в Сокольники в июне (когда окончу испытания, если доктор позволит учиться), а до тех пор, по всей вероятности, будем жить здесь, в Голицыно. Я совершенно уверен, что в Коктебель мы не поедем, но, впрочем, чорт его знает как все это закристаллизуется. Мать говорит, что совсем около Сокольников (т.е. около того места, где мы будем жить) есть лес и парк, и что «летом мы будем туда ходить гулять»... Нда... конечно. Потом меня интересует вопрос, в какую школу я пойду - в Сокольническую, или в какую-нибудь московскую. Впрочем, увидим. Сейчас не нужно обо всем этом беспокоиться. Конечно, все это чрезвычайно несладко, но что же делать? Мы сейчас на самом низу волны - может быть, что окажемся скоро наверху этой волны. Такое систематическое чередование бед и неприятностей не может долго еще продолжаться. Я верю, что будут для нас и хорошие времена. Я верю, абсолютно уверен в том, что отец и сестра будут оправданы и освобождены. И это будет началом, как мне думается, нового течения нашей и моей жизни вверх, к чему-нибудь хоть немного похожему на счастье. <...> Когда я начинаю сравнивать вопросы об испытаниях, возможной поездке в Коктебель с вопросом об освобождении отца и сестры, то эти вопросы, только что сильно меня волновали, делаются вдруг абсолютно микроскопические.

23/III-40
<...> Жизнь моя, объективно говоря, не может быть названа плохой (был за границей, ест в доме отдыха, видит культурных людей, ходит в школу), но и не может быть названа хорошей (отец и сестра арестованы, буду-

щее - самое неопределенное, развлечений нет, товарищей и друзей тоже нет). Из всех совокупностей, составляющих жизненную обстановку и самое жизнь, я должен стараться выбрать самые ценные, иными словами, я считаю, что нужно наслаждаться. Наслаждаться прежде всего тем фактом, что я живу на земле и знаю значительнейшую часть того, что на этой земле делается. Наслаждаться тем фактом, что я живу на свободе, не в тюрьме, что мне не угрожает на завтрашнее утро смертная казнь. Наслаждаться тем фактом, что я ничего не совершил такого, за что меня мог бы кто-либо преследовать. Наслаждаться тем фактом, что сегодня, завтра и так в течение некоторого времени я буду есть, пить и не подыхать с голоду. Наслаждаться тем фактом, что я имею дело с культурными и хорошо ко мне настроенными людьми, а не с дураками лупоглазыми, которые ничего не способны понять. Наслаждаться тем фактом, что мне в повзании жизни еще пока закрыта одна лишь дверь, которая ведет к обладанию и наслаждению путем женщины, и что бесспорно мне еще предстоит открыть эту дверь и познать небезынтересные минуты и часы. Это важный фактор в укреплении необходимого оптимистического настроения. Наслаждаться уверенностью в том, что для меня еще настанут денечки, когда я перестану быть пятнадцатилетним «взрослым» и смогу говорить наравне со всеми. Очень возможно, что впоследствии, как это нередко бывает, я буду жалеть, и может быть, горько жалеть эти безвозвратные пятнадцать лет, но пока жизнь моя находится в стадии стремления вперед. Я должен наслаждаться каждой минутой моей жизни, чтобы иметь потом, в случае ухудшения жизни моей, о чем вспомнить, а в случае улучшения этой жизни, о чем подумать «свысока».

29/IV-40
Сегодня, 29-го марта 40-го года, я и мать получили новый и громкий удар по кумполу. В чем этот удар заключается? Утром мать вышла на улицу и встрети-

ла начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

Мать и сын. Сен-Лоран, 1930-е гг.

да дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

Вся семья: Сергей Эфрон и Марина Цветаева с детьми Георгием (Муром) и Ариадной. Прага, 1925 г.

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

дачу начальник милиции. И не повелась, а улавилась. Привяла ремень к кровати, в петлю пропнул голову и шею, уперся ногами в кровать - и удавился. Хорошенькая дача, нечего сказать! И до нас там был арестован какой-то вредитель, потом вселились семьи Эфрон и Львовы, и всех, кроме двух лиц, арестовали, потом поселились судья и начальник милиции, который скоро

Марина Цветаева (в центре) и Мур (справа) в подмосковном Голицыне. 1940 г.

Фото из книги «Марина Цветаева: фотолетопись жизни поэта»